

МЕТАФИЗИКА СЕРДЦА В ПЛАТОНИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Подвойский Леонид Яковлевич, кандидат философских наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: leonid.podv@gmail.com

В статье рассматривается, как «метафизика сердца» представлена в платоническом направлении русской философской культуры. Подчеркивается, что для нее тема «метафизики сердца» является не только своеобразной, но и сквозной. С целью показать это, проанализированы работы Г.С. Сковороды, П.Д. Юркевича, П.А. Флоренского, Б.П. Вышеславцева, в которых этой теме уделено пристальное внимание.

Ключевые слова: Платон, Г.С. Сковорода, П.Д. Юркевич, П.А. Флоренский, Б.П. Вышеславцев, платонизм, человек, сердце, духовная жизнь, метафизика, философия, русская культура

THE METAPHYSICS OF THE HEART IN THE PLATONIC DIRECTION OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL CULTURE

Podvoisky Leonid Ya., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: leonid.podv@gmail.com

The article explores how "the metaphysics of the heart" is presented in the Platonic direction of Russian philosophical culture. Stresses that for her theme of "metaphysics of the heart" is not only unique, but also through. In order to show this, analyzes of G.S. Scovoroda, P.D. Yurkevich, P.A. Florensky, B.P. Vysheslavtsev in which the subject is paid attention to.

Keywords: Plato, G.S. Scovoroda, P.D. Yurkevich, P.A. Florensky, B.P. Vysheslavtsev, Platonism, the man, the heart of the spiritual life, metaphysics, philosophy, Russian culture

Глазами главного не увидишь,
зорко лишь одно сердце
А. Экзюпери

Истоки учения о сердце как средоточии души и телесного бытия человека содержатся уже у Платона (можно сказать, что этот факт лишний раз подчеркивает справедливость того, что у Платона, образно говоря, как в Греции, есть все). Как известно, в диалоге «Тимей» говорится о сердце, прежде всего с чисто физиологической точки зрения, где оно определяется как средоточие сосудов и родник бурно гонимой по всем членам крови и где ему отведено помещение стража [5, с. 476].

Однако Платон не был бы Платоном, если бы на этом и остановился. Далее он пишет буквально следующее: «Всякий раз, когда дух закипает гневом, приняв от рассудка весть о некоей несправедливости, совершающейся извне или, может статься, со стороны своих же вожделиний, незамедлительно по всем тесным протокам, идущим от сердца к каждому органу ощущения, должны устремиться увещания и угрозы, дабы все они оказали безусловную покорность и уступили руководство наилучшему из начал» [5, с. 476]. Таким образом, называя сердце стражем, Платон трактует его и с философско-психологической точки зрения, когда добавляет, что именно от сердца устремляются к другим органам увещания и угрозы с целью вызвать у них безусловную покорность и признать руководство с его стороны как наилучшего из начал.

Следует заметить, что тема сердца весьма органично присутствует в целом в русской культуре. Как отмечает Г.Я. Стрельцова, «по сравнению с западноевропейской «культурой разум» русские создали удивительную «культуру сердца»... В русской культуре разработана своеобразная «метафизика сердца» [9, с. 374].

К глубинному символу сердца обращались многие русские писатели, поэты, философы. Более того, тема сердца нашла отражение даже в русских пословицах и по-

говорках, что вряд ли можно считать случайным явлением. Достаточно вспомнить, например, такие из них, как «Сердце не камень» (говорится, когда проявляют слабость, жалость по отношению к кому-либо, уступают чьим-либо просьбам); «Сердце сердцу весть подает» (говорится, когда близкие люди одновременно думают друг о друге); «Сердцу не прикажешь» (говорится, когда признают, что человек не властен над собой в любви или нелюбви к кому-либо) [10, с. 88–89].

Вспомним также употребление этого термина в стихах русских поэтов. Например, А.С. Пушкин в стихотворении «Пророк» призывает: «Глаголом жги сердца людей»; он же в «Евгении Онегине»: «Москва... как много в этом звуке // Для сердца русского слилось!»; К.Н. Батюшков в стихотворении «Мой гений» утверждал: «О, память сердца! Ты сильней // Рассудка памяти печальной».

Можно привести несколько ярких высказываний по этой теме крупных русских мыслителей. «Есть люди, которые умом создают себе сердце, другие – сердцем создают себе ум : последние успевают больше первых, потому что в чувстве гораздо больше разума, чем в разуме чувства» (Н.Я. Чаадаев); «Человек без сердца – бесстрастная машина мышления, не имеющая ни семьи, ни друга, ни родины; сердце составляет прекрасную и неотъемлемую основу духовного развития» (А.И. Герцен); «Великая любовь неразлучна с глубоким умом, широта ума равняется глубине сердца; оттого крайних вершин гуманности достигают великие сердца, они же великие умы» (И.А. Гончаров); «Пробить сердце. Вот глубокое рассуждение: ибо что такое «пробить сердце»? – Привить нравственность, жажду нравственности» (Ф.М. Достоевский); «Ум, одолевший собственные сомнения, не делает сердце равнодушным к чужим заблуждениям» (В.С. Соловьев); «Ум нередко умолкает, когда говорит сердце» (Г.В. Плеханов); «Истинно цельный и надежный человек, чье чувство находится в полной гармонии с его умом; про кого можно сказать, что со светлым умом он соединяет правдивое сердце...» (Н.В. Шелгунов); «Бойся думать без участия сердца» (М.М. Пришвин) [6, с. 16–19].

Много внимания этой теме уделяет Н.В. Гоголь. О непорочной чистоте сердца, какая должна быть неразлучна с саном священства, он пишет в «Размышлениях о божественной литургии» [4, с. 19]. Комментируя библейское «Блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят», Н.В. Гоголь утверждает, что «как в чистом зеркале успокоенных вод, не возмущаемых ни песком, ни тиной, отражается чисто небесный свод, так и в зеркале чистого сердца, не возмущаемого страстями, уже нет ничего человеческого, и образ Божий в нем отражается один» [4, с. 30]. В целом, в этих «Размышлениях» Н.В. Гоголь 30 (!) раз употребляет слово «сердце».

Следует при этом отметить, что для русской философской культуры эта тема давно уже стала сквозной, а начало она берет у Г.С. Сковороды. В его антропологии четко прослеживаются мотивы, характерные для средневековой отечественной мысли. Это относится и к его учению о сердце как средоточии души и телесного бытия человека. Известный отечественный исследователь философии Платона А.И. Абрамов подчеркивает, что христианское учение о сердце и любви особенно яркое воплощение обрело в творчестве Г.С. Сковороды, в сочинениях которого тема любви и сердца если не доминирует, то, по крайней мере, непременно присутствует [1, с. 151–152].

В целом ряде работ Г.С. Сковорода развивает мысль Платона, на которую мы обращали внимание выше. Так, в диалоге «Разговор путников об истинном счастье в жизни» Сковорода говорит: «Глава в человеке всему – сердце человеческое. Оно-то и есть самый точный в человеке человек... А что ж есть сердце, если не душа? Что есть душа, если не бездонная мыслей бездна?» [7, с. 341]. Утверждая, что «всяк есть то, чье сердце в нем» и что поэтому о человеке нужно судить не по лицу, но по сердцу, потому что «сердце твое есть голова внешностей твоих», Сковорода страстно призывает хранить, беречь сердце свое [7, с. 136, 140]. С изрядной долей горечи Сковорода отмечает факт нерадения людей о снискании и охранении сердечного мира и говорит, что о своем сердечном мире человек должен мыслить постоянно. Но люди, к сожалению, об этом не думают.

В одном из первых крупных философских произведений «Наркисс» Сковорода замечает, что «весьма редок, кто сохранил сердце свое или, как вообще говорят, ду-

шу свою», а злые люди, потерявшие свое сердце, потеряли и самих себя [7, с. 143]. Дело в том, что, согласно Г.С. Сковороде, сердце это не только голова человека, но и его корень, о чем он настойчиво твердит в нескольких работах, таких как «Симфония, нареченная книга Асхань, о познании самого себя», «Беседа, нареченная двое, о том, что блаженным быть легко», «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни». Так, в последней работе он вопрошает: «Что есть мысль, если не корень, семя и зерно всей нашей крайней плоти, крови, кожи и прочей наружности? Видишь, что человек, мир сердечный погубивший, погубил свою главу и свой корень» [7, с. 341].

Вообще же, Г.С. Сковорода совершенно определенно заявляет, что «душа моя, мысли и сердце есть лучшее моего тела» [7, с. 137]. Будучи сам человеком чистосердечным и гуманным, Сковорода и у своих учеников хотел воспитать такие же качества, особое внимание уделяя не только передаче знаний, не только обучению и научению, но, прежде всего, пытался достучаться до их сердец, сформировать их духовный мир. В этом контексте весьма характерно и вполне понятно его обращение к своему любимому ученику М.И. Ковалинскому: «О, если бы ты мог заглянуть в мое сердце!» [8, с. 189]. Сам М.И. Ковалинский в биографии Сковороды подчеркивает, что тот имел «в низкой простоте благородное сердце», а дух «выделявал в нем сердце гражданина всемирного» [8, с. 377–378].

Заслуживает внимания приведенный М.И. Ковалинским ответ Сковороды на вопрос, что такое философия. По Г.С. Сковороде, «философия, или любомудрие, устремляет весь круг дел своих на тот конец, чтоб дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, светлость мыслям, как главе всего. Когда дух в человеке весел, мысли спокойны, сердце мирно, то все светло, счастливо, блаженно. Сие есть философия» [8, с. 403].

В целом, категории сердца Г.С. Сковорода уделяет так много внимания, что исследователи его творчества справедливо говорят о «метафизике сердца Г.С. Сковороды». В связи с этим трудно объяснить, почему составители предметного указателя к двухтомнику сочинений Г.С. Сковороды не сочли нужным выделить эту категорию в качестве самостоятельной для рассмотрения.

Интересный факт приводит Ю.Я. Барабаш в книге «Знаю человека...» Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь. Ф.М. Достоевский не только не был знаком с учением Сковороды «о сердце», но и вообще, видимо, ничего не знал об этом мыслителе. Тем не менее, в трактовке «темы сердца» автор нашел удивительное совпадение позиций Достоевского и Сковороды. «Что ты хочешь сказать словом знать? – спрашивает 16-летний Достоевский в письме к брату Михаилу. – Познать природу, душу, бога, любовь... Это познается сердцем, а не умом» [2, с. 177]. У обоих мыслителей, по мнению Ю.Я. Барабаша, именно «сердце» – в емком, многосодержательном смысле этого понятия – выступает как главенствующее начало, как средоточие человеческой сущности, своего рода «индикатор» нравственности [2, с. 178].

Концепция самопознания, изложенная Г.С. Сковородой в диалоге «Наркисс» представлена не абстрактно-философски, не умозрительно; она предельно заземлена, повернута к живому, конкретному человеку, к его внутреннему миру, к его «сердцу». Как видим, налицо явственная внутренняя близость двух писателей в трактовке «темы сердца», что, по мнению Ю.Я. Барабаша, тем интереснее и многозначительнее, что не было никаких внешних воздействий и точек соприкосновения [2, с. 184].

Это пример, на наш взгляд, как раз и показывает, что «метафизика сердца» это не случайная тема в творчестве русских мыслителей, а вполне органичная и сквозная.

Дальнейшее развитие тема сердца получила в философском творчестве П.Д. Юркевича, особенно в его статье «Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия» (1860 г.). Беря за основу библейский смысл сердца, П.Д. Юркевич так широко его трактует, что оно оказывается у него средоточием всей телесной и духовной жизни человека, самым существенным органом и седлищем всех сил, отправления, движений, чувствований, желаний и мыслей человека со всеми их направлениями и оттенками [13, с. 69]. Обратим внимание на варианты толко-

вания П.Д. Юркевичем смысла понятия «сердце», которые он проделывает, опираясь на Библию:

- сердце есть хранитель и носитель всех телесных сил человека;
- сердце есть средоточие душевной и духовной жизни человека, ибо в нем начинается и рождается решимость человека на самые разные поступки и возникают многообразные преднамерения и желания;
- сердце есть седалище воли и ее хотений;
- сердце есть седалище всех познавательных действий души и все, что приходит нам на ум или на память, – всходит на сердце;
- сердце есть средоточие многообразных душевных чувствований, волнений и страстей. Сердцу усвоятся все степени радости, все степени скорбей, все степени вражды, все степени недовольства, все виды страха
- сердце есть средоточие нравственной жизни человека, поскольку именно в нем соединяются все нравственные состояния;
- сердце есть исходное место всего доброго и злого в словах, мыслях и поступках человека, оно есть доброе и злое сокровище человека;
- сердце есть скрижаль, на которой написан естественный нравственный закон... Посему слово Божие посеивается на ниве сердца, совесть имеет свое седалище в сердце;
- сердце составляет глубочайшую часть нашего существа... Состоянием сердца выражается все душевное состояние. Человек должен отдать Богу одно свое сердце, чтобы сделаться Ему верным в мыслях, словах и делах [13, с. 69–73];
- поскольку сердце соединяет в себе все силы человеческого тела, то оно же служит ближайшим органом жизни душевной [13, с. 78];
- в сердце человека лежит основа того, что его представления, чувствования и поступки получают особенность, в которой выражается его душа, а не другая [13, с. 82];
- в сердце человека заключается источник для таких явлений, которые запечатлены особенностями, не вытекающими ни из какого общего понятия или закона [13, с. 92];
- сердце человека любит добро и влечется к нему, как глаз любит созерцать прекрасную картину и охотно останавливается на ней [13, с. 95]. Более того, «во всем человечестве господствует убеждение, что нравственное достоинство поступка определяется единственно степенью свободной любви сердца к добру, ради которого он совершается [13, с. 97].

Согласно П.Д. Юркевичу, «лучшие философы и великие поэты сознавали, что сердце их было истинным местом рождения тех глубоких идей, которые они передали человечеству в своих творениях, а сознание, которого деятельность соединена с отправлениями органов чувств и головного мозга, давало этим идеям только ясность и определенность, свойственные мышлению» [13, с. 83]. Основа религиозного сознания человеческого рода, считает П.Д. Юркевич, также заключается в сердце человека: религия не есть нечто постороннее для его духовной природы, она утверждается на естественной почве [13, с. 93–94].

В целом следует заметить, что даже из этого краткого анализа взглядов П.Д. Юркевича можно сделать вывод, что понятию сердца в духовной жизни человека он дает сугубо религиозную трактовку, что, конечно же, отнюдь не снижает значимость, продуктивность и глубину его исследования этой столь близкой русской культуре темы.

Исследователь темы «метафизика сердца», Г.Я. Стрельцова, в книге «Паскаль и европейская культура» констатирует, что «на учение о сердце Юркевича опирался в своем сочинении «Столп и утверждение истины» П.А. Флоренский (в дополнение к этому тексту представлен конспект статьи П.Д. Юркевича, рассмотренной нами выше). Принимая различные его смыслы, сам он обращает особое внимание на употребление термина «сердце» в разных языках и у разных народов» [9, с. 384].

В понимании смысла сердца как важнейшего из слов для объяснения внутренней духовной жизни человека, а не только толкования его с физиологической точки зрения П.А. Флоренский видит много общего практически во всех языках. Он обращает внимание на то, что «центром груди издревле считалось сердце, по крайней

мере орган, называвшийся этим именем. Если грудь – средоточие тела, то сердце – средоточие груди. И к сердцу издревле обращалось все внимание церковной мистики» [11, с. 226].

С точки зрения П.А. Флоренского, задача подвижнической жизни, – целомудрие, – определяется как чистота сердца. Суждения об определяющей роли сердца не только в физической, но и в духовной жизни человека, считает П.А. Флоренский, убедительно подтверждаются лингвистикой. «Сердце – это очаг духовной жизни нашей, и одухотвориться – это значит не иное что, как «устроить» как «ублагодостроить», как «целомудрить» свое сердце [11, с. 226].

Слова, выражающие понятие «сердце» в индо-европейских языках, по П.А. Флоренскому, указывают самым корнем своим на понятие центральности, срединности. Это имеет место в русском, белорусском, малорусском, чешском и польском языках. Им делается такой вывод: «Сердце, таким образом, обозначает собою нечто центральное, нечто внутреннее, нечто среднее, – орган который является сердцевиною живого существа, как по своему месту, так и по своей деятельности. Эта этимология объясняет словоупотребление «сердце» в значениях, не имеющих ничего общего ни с анатомическим, ни с нравственным или психологическим его смыслом» [11, с. 227].

Иногда понятие «сердце» принимает значение: «нутро, недро, утроба, средоточие, нутровая середина», так что говорится «сердце земли», вместо нутро земли, «сердце дерева» и «сердце пера» – в смысле «средины толщи» их. В этом же контексте употребляются и выражения: «сердечко яблока», «сердцевина дерева» и т.п. Обращаясь к семитским языкам, преимущественно к еврейскому, П.А. Флоренский приходит к выводу, о близком значении слова «сердце» в ассирийском, арамейском, арабском, эфиопском языках. Он предлагает и такие объяснения, как «сердце – «жирное», в том смысле, что оно окружено толщами тела, или же сердце – «обвитое», в том же значении. Именно этой этимологией слова «сердце» хорошо объясняется, почему в Св. Писании иногда говорят о «сердце», т.е. о средоточии, о центральных по значению или по положению пункте или области неодушевленных существ мира, – о «сердце неба»; о «сердце моря», о «сердце земли» [11, с. 227–228].

Имея в виду феномен «чистого сердца» в качестве ядра, центра и гармонизирующего начала всей духовной жизни человека, П.А. Флоренский уверен, что «очищение сердца дает общение с Богом, а общение с Богом выпрямляет и устроит всю личность подвижника» [11, с. 228].

После этого, хотя бы краткого рассмотрения взглядов П.А. Флоренского, можно сказать, что он, продолжая религиозную трактовку понятия сердце, так явно представленную П.Д. Юркевичем, интересно и убедительно дополняет ее лингвистической трактовкой.

Еще одним известным русским философом, уделявшим значительное внимание теме сердца, является Б.П. Вышеславцев. Так, в его большой работе «Вечное в русской философии» есть глава под названием «Значение сердца в философии и религии». Эту главу он начинает словами, что понятие «сердца» занимает центральное место в мистике, в религии и в поэзии всех народов и напоминает, что Одиссей размышлял и принимал решения «в миллом сердце»; в «Илиаде» глупый человек называется человеком с «неумным сердцем»; и в Библии сердце встречается на каждом шагу [3, с. 763].

Вот какие варианты понятия «сердце» предлагает Б.П. Вышеславцев:

- по-видимому, оно означает орган всех чувств вообще и религиозного чувства в особенности;
- сердцу приписывается не только чувство, но и самые разнообразные виды деятельности сознания. Прежде всего, сердце мыслит. «Говорить в сердце» – значит на библейском языке – думать;
- сердце есть орган воли; оно принимает решения;
- из него исходит любовь: сердцем или от сердца люди любят Бога и ближних. Говорится, что мы «имеем кого-либо в своем сердце»;
- в сердце помещается такая интимная скрытая функция сознания, как совесть: совесть, по слову Аполлона, есть закон, начертанный в сердцах;

- сердцу приписываются также самые разнообразные чувства, проносающиеся в душе: оно «смущается», «устрашается», «печалится», «радуется», «веселится», «сокрушается», «мучается», «скорбит», «питается наслаждением», «расслабляется», «содрогается»;

- как будто бы сердце есть сознание вообще, все то, что изучается психологией; и действительно, в Библии понятие «сердца» и понятие «души» иногда заменяют друг друга; точно так же понятие «сердца» и понятие «духа»;

- сердце обнимает собою не только явления психической, но и физической жизни. Все явления жизни исходят из него и возвращаются к нему, действуют на сердце [3, с. 763–764].

На предполагаемое опасение, что такой бесконечно разнообразный диапазон значений символа «сердце» грозит совершенно расплыться, сделаться совершенно неуловимым, превратиться в простую поэтическую метафору Б.П. Вышеславцев уверенно возражает, что это далеко не так, поскольку сердце на религиозном языке есть нечто очень точное, можно сказать, математически точное, как центр круга, из которого могут исходить бесконечно многие радиусы, или световой центр, из которого могут исходить бесконечно разнообразные лучи [3, с. 764].

Подобно П.Д. Юркевичу и П.А. Флоренскому, с религиозной точки зрения рассматривавших символ «сердце», Б.П. Вышеславцев также обращает внимание на то, что Библия приписывает сердцу все функции сознания: мышление, решение воли, ощущение, проявление любви, проявление совести; больше того, сердце является центром жизни вообще – физической, духовной и душевной. Оно есть центр прежде всего, центр во всех смыслах. Так говорится о «сердце земли», о «сердцевине дерева».

Отсюда, согласно В.П. Вышеславцеву, возникает естественный вопрос: не есть ли это выражение «сердце» в таком случае как раз то самое, что хорошо известно в психологии как принцип единства сознания, как центр сознания [3, с. 764]. На этот вопрос им дается сугубо религиозный ответ, что «есть глубокие основания, почему здесь принимается религиозный символ «сердца», а не понятие души, сознания, ума, даже духа. В самом деле, сердце означает некоторый скрытый центр, скрытую глубину, недоступную для взора. В этом смысле Библия говорит о «сердце моря», о «сердце земли», как о том, что кроется в их в их таинственной глубине; в еще большей степени это можно сказать о сердце самого Бога [3, с. 764–765].

Напоминая, что многие мистики говорят о «бездне» сердца Божества как о последней иррациональной глубине Божественного центра, Вышеславцев замечает, что то же самое можно сказать и о сердце человека, как о сокровенном центре личности, который прежде всего недоступен чужому взору, и мы не можем извне проникнуть в сердца людей, поскольку сердца ближних для нас не прозрачны [3, с. 765].

В этих рассуждениях о непрозрачности его непостижимости сердца другого человека Б.П. Вышеславцев идет еще дальше, утверждая, что эта непостижимость характерна не только для других людей, но и для самого человека, потому что «мы не умеем, а иногда не хотим понять самих себя, боясь заглянуть в бездну своего сердца» [3, с. 765].

По Б.П. Вышеславцеву, Христос, говоря: какая польза человеку, если он весь мир приобретет, душу же свою потеряет, имеет в виду предельно таинственный центр личности, где лежит вся ее ценность и вся ее вечность. Следовательно, найти эту свою вечность – значит найти свое истинное «я», заглянуть в глубину своего сердца [3, с. 765].

В этой работе Б.П. Вышеславцева, обращает на себя внимание его, можно сказать, воинствующее неприятие атеизма как системы взглядов и восприятие атеиста как какой-то неполноценной личности, мягко говоря. Так он настойчиво утверждает следующее:

- человек, который действительно захочет заглянуть в свою собственную глубину, непременно должен стать религиозным человеком, он должен испытать религиозное чувство, чувство благоговения, мистического трепета по отношению к самому себе, по отношению к бездонности своего сердца;

- религия есть нахождение Бога в себе и себя в Боге, и атеизм есть не только неверие в Бога. Но непременно также неверие в человека, неверие в самого себя, неверие в свою абсолютную ценность и в свою абсолютную вечность [3, с. 765–766];

- атеизм есть мирозерцание, постояннодвигающееся на периферии, на поверхности, для него нет никакого «сердца земли», «сердца моря», «сердца небес», для него нет и сердца человека; и вообще атеизм есть мирозерцание бездарности;

- необходимо признать сердце основным органом религиозных переживаний. В простоте и доступности слова «сердце», этого символа, постоянно присутствующего в простой разговорной речи, – его высокая религиозная ценность;

- человек «без сердца» есть человек без любви и без религии, безрелигиозность есть, в конце концов, бессердечность [3, с. 766];

- любовь атеистов представляет собой «поверхностные касания одного человека к другому: телесные касания или душевные, но не касающиеся скрытого, духовного, сердечного центра» [3, с. 769];

- неправда, будто существует какая-то безрелигиозная сердечность в форме гуманности, солидарности, классового сознания и т.п. Самые большие преступления были совершены ради такой гуманности, были оправданы декламациями о любви к человечеству, риторикой в духе Руссо и Робеспьера. Прежде всего можно сказать, что у этих людей нет сердца, а следовательно они потеряли мистическую связь с ближними и с Богом, они потеряли, конечно, и с свое настоящее «я», забыли о нем, не подозревают о его существовании [3, с. 766].

Мы хотели бы кратко заметить, что **неправда** кое-что из того, о чем так эмоционально, почти агрессивно говорит известный русский философ. Отметим несколько моментов:

- во-первых, абсолютно бездоказательно, что атеизм отрицает наличие сердца у человека (разумеется, не в чисто физиологическом плане), что якобы делает его не только существом без религии, но и без любви;

- во-вторых, история убедительно показывает, что не меньше преступлений было совершено (и совершается) людьми верующими, во имя отстаивания своих идеологических взглядов и даже во имя той или иной религии;

- в-третьих, рассматриваемая нами работа была написана Б.П. Вышеславцевым в 1955 г., когда он не мог не знать, что на пряжках многих немецких солдат, залитых кровью Европу и зверствовавших на территории нашей страны, была надпись «Gott mit uns!» («Бог с нами!»). Добавим еще два штриха. В.В. Сапов в предисловии, названном «Рахманинов русской философии», приводит два примера: а) Н.А. Бердяев «почувствовал по некоторым статьям и лекциям Вышеславцева, что тот действительно перешел на службу к нацистам»; б) С.А. Левицкий писал, «что же касается Вышеславцева, – тот с 1944 г. связал себя с немцами, и только крах Германии заставил его бежать куда глаза глядят» [3, с. 12–13]. Это как совместить с глубочайшей религиозностью автора и нападка на «бессердечных» атеистов!?

Продолжая анализ размышлений Б.П. Вышеславцева о значимости сердца в жизни человека, обратим внимание на следующие его строки. Религия, по Б.П. Вышеславцеву, берет символ сердца потому, что в сердце человека есть такая же таинственная глубина, как и в сердце Божества. Именно в сердце выражается сокровенный центр личности. Сердце есть нечто более непонятное, непроницаемое, таинственное, скрытое, чем душа, чем сознание, чем дух. Оно непроницаемо для чужого взора и, что еще более удивительно, для собственного взора (как видим, эта мысль настолько близка автору, что он ее еще раз повторил) [3, с. 767].

Высоко оценивает Б.П. Вышеславцев слова апостола Петра, полные вдохновенной поэзии (называя его при этом почти прозаическим апостолом, философ таким образом подчеркивает, значимость символа «сердце», который даже «прозаического апостола» подвигает к поэзии). Это слова о том, что подлинным украшением женщин в их бессознательном стремлении украшать себя, является не плетение волос, не золотые уборы и нарядность в одежде, «но потаенный сердца человек». У ап. Петра, считает Вышеславцев, собрано все ценное, что можно сказать о сердце: оно есть тай-

ный центр человека; оно «безмолвствует», апофатически утверждает свою глубину; в нем скрыта нетленная красота духа, подлинная красота [3, с. 767–768]. Прозаический апостол, с восхищением восклицает Б.П. Вышеславцев, нашел самые поэтические слова для этой таинственной глубины!

Русский философ обращает внимание использование символа «сердце» и некоторыми религиозными учениями, кроме христианства. Так, он считает, что «потаянный сердца человек» составляет центр внимания для индийской религиозности и замечает, что индусы – величайшие мастера в исследовании предельного, скрытого центра нашего «я», нашего самости, которая есть мой Атман (основной термин для сокровенной самости) внутри сердца [3, с. 768–769].

При этом он отмечает и существенную разницу между учениями, например, в понимании любви людьми. В христианстве мистическое соприкосновение с Богом и с ближним осуществляется через посредство сердца, а оно есть орган, устанавливающий эту интимную связь с Богом и с ближним, которая называется христианской любовью [3, с. 769]. Любовь как мост между двумя глубинами, безднами, имеющая место в христианстве, по-иному трактуется в индуизме, например. Так, индуизм говорит: ты есть я, и потому я тебя люблю и жалею; христианство говорит: ты не есть я, и потому тебя люблю и жалею [3, с. 770]. Как видим, различие огромное.

Б.П. Вышеславцев считает, что в индийской мистике нас увлекает гениальное устремление в глубину сердца и нахождение в нем бессмертной светящейся точки, нашей истинной самости. Таким образом, подчеркивает он, индийскую мистику с христианской роднит то, что соприкосновение с Божеством осуществляется только в этой предельной точке, только в «глубине сердца» [3, с. 770–771].

В заключение заметим, что рассмотрение взглядов этих весьма значительных отечественных философов по теме «метафизика сердца» отнюдь не означает, что ею занимались только они. Дань внимания этой теме отдали и такие видные философы как В.С. Соловьев и С.Л. Франк. Таким образом, мы видим, что эта тема явно присутствует в русской философской культуре в целом и культуре платонического направления, в особенности, начиная с XVIII в. Это обстоятельство с полным правом позволяет сказать, что тема «метафизики сердца» является для русской культуры своеобразной и органично включенной в ткань философствования, а начало свое она берет у Платона.

Список литературы

1. Абрамов А. И. Метафизика любви и философия сердца в русской философской культуре А. И. Абрамов // Философия любви / под общ. ред. Д. П. Горского ; сост. А. А. Ивин. – Политиздат, 1990. – Ч. 1. – 510 с.
2. Барабаш Ю. Я. «Знаю человека...» Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь / Ю. Я. Барабаш. – М. : Худож. лит., 1989. – 335 с.
3. Вышеславцев Б. П. Кризис индустриальной культуры : избранные сочинения / Б. П. Вышеславцев. – М. : Астрель, 2006. – с. 1037.
4. Вот какие варианты бранные сочинения. – М. : Астрель, 2006. – 1037 с.
5. Гоголь Н. В. Размышления о божественной литургии / Н. В. Гоголь ; подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю. Барабаша. – М. : Худож. лит., 1990. – 77 с.
6. Платон. Тимей / Платон // Собрание сочинений : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1994. – Т. 3
7. Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах / сост.: В. Н. Назаров, Г. П. Сидоров. – М. : Политиздат, 1990. – 605 с.
8. Сковорода Г. С. Сочинения в двух томах / Г. С. Сковорода. – Мысль, 1973. – 511 с. – Т. 1.
9. Сковорода Г. С. Сочинения в двух томах / Г. С. Сковорода. – Мысль, 1973. – 486 с. – Т. 2.
10. Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура / Г. Я. Стрельцова. – М. : Республика, 1994. – 495 с.
11. Фелицына В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения : лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров ; под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М. : Рус. яз., 1979. – 240 с.
12. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П. А. Флоренский. – М. : АСТ, 2003. – 640.
13. Юркевич П. Д. Философские произведения / П. Д. Юркевич. – М., 1990 – 670 с.

References

1. Abramov A. I. Metafizika lyubvi i filozofiya serdtsa v russkoy filozofskoy kulture A. I. Abramov // Filozofiya lyubvi / pod obshch. red. D. P. Gorskogo ; sost. A. A. Ivin. – Politizdat, 1990. – Ch. 1. – 510 s.
2. Barabash Yu. Ya. «Znayu cheloveka...» Grigoriy Skovoroda: Poeziya. Filozofiya. Zhizn / Yu. Ya. Barabash. – M. : Khudozh. lit., 1989. – 335 s.
3. Vysheslavtsev B. P. Krizis industrialnoy kultury : izbrannye sochineniya / B. P. Vysheslavtsev. – M. : Astrel, 2006. – s. 1037.
4. Vot kakie varianty brannye sochineniya. – M. : Astrel, 2006. – 1037 s.
5. Gogol N. V. Razmyshleniya o bozhestvennoy liturgii / N. V. Gogol ; podgot. teksta, vstup. st., komment. Yu. Barabasha. – M. : Khudozh. lit., 1990. – 77 s.
6. Platon. Timey / Platon // Sobranie sochineniy : v 4 t. / obshch. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Takho-Godi. – M. : Mysl, 1994. – T. 3
7. Razum serdtsa: Mir nravstvennosti v vyskazyvaniyakh i aforizmaykh / sost.: V. N. Nazarov, G. P. Sidorov. – M. : Politizdat, 1990. – 605 s.
8. Skovoroda G. S. Sochineniya v dvukh tomakh / G. S. Skovoroda. – Mysl, 1973. – 511 s. – T. 1.
9. Skovoroda G. S. Sochineniya v dvukh tomakh / G. S. Skovoroda. – Mysl, 1973. – 486 s. – T. 2.
10. Streltsova G. Ya. Paskal i evropeyskaya kultura / G. Ya. Streltsova. – M. : Respublika, 1994. – 495 s.
11. Felitsyna V. P. Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya : lingvostranovedcheskiy slovar / V. P. Felitsyna, Yu. Ye. Prokhorov ; pod red. Ye. M. Vereshchagina, V. G. Kostomarov. – M. : Rus. yaz., 1979. – 240 s.
12. Florenskiy P. A. Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoy teoditsei / P. A. Florenskiy. – M. : AST, 2003. – 640.
14. Yurkevich P. D. Filozofskie proizvedeniya / P. D. Yurkevich. – M., 1990 – 670 s.